

Арсений Ворожейкин

...Остался в прошлом вагон спецпоезда, станция в Забайкалье, где собирали из прибывших в ящиках узлов самолёты, промежуточный аэродром, на котором облётывали новенькие истребители И-16.

Лётчики, истосковавшиеся за время пути по полётам, с нескрываемой радостью садились в пахнувшие ещё заводской краской истребители, обживали кабину, изучали новый самолёт. Всем нравилось вооружение - 2 пулемёта ШКАС и 2 пушки ШВАК, стоявшие на И-16, - сила, которой они ещё не видели. Эскадрилья, в которой я был комиссаром, перелетела в Монголию из Забайкалья, когда японцы уже вели военные действия в районе реки Халхин - Гол. Выполняя условия договора о взаимопомощи, заключённого ещё в 1936 году, наше командование перебросило сюда некоторые воинские части. Враг наращивал силы, и с нашей стороны были приняты ответные меры. В частности, эскадрилья, о которой идёт речь, приземлилась в Монголии, влившись в состав 22-го истребительного авиаполка.

Монголия... Полуденное до рези в глазах яркое солнце слепит, на горизонте колеблется золотистое марево, вокруг ни домика, ни дерева, всё голо, пустынно. Лётчиков разместили в юртах. Комиссар эскадрильи в первый же день на боевом аэродроме организовал открытое партийное собрание. На повестке один вопрос: "Задачи личного состава эскадрильи в боевой обстановке". Потом состоялись встречи с опытными боевыми лётчиками, воевавшими с японцами в небе Китая, Героем Советского Союза Григорием Кравченко и Александром Николаевым, а также героями боёв в Испании Иваном Лакеевым, Сергеем Грицевцом.

Я с жадностью ловил каждое слово боевых лётчиков, каждый их жест, имитирующий тот или иной маневр истребителей, старался понять его, осмыслить. Особенно запомнились слова, которые любил повторять майор С. Грицевец:

- Кто не умеет видеть в воздухе, тот не истребитель, а летающая мишень. Увидел врага первым - опередил. А опередил - победил. Прозевал - обречён на поражение. Никогда не смотри в одну точку, постоянно крути головой на все 360...

Первый воздушный бой, крещение огнём. Для меня это событие произошло 22 июня 39-го года.

По сигналу эскадрилья в плотном строю устремила к Халхин - Голу. Вскоре впереди вырисовывалась большая группа японских самолётов - больше 50. Летели они уверенно, стройно, как хозяева монгольского неба.

Сердце учащённо забилося. Эскадрилья шла в лобовую атаку на врага. Но что это ? На вражескую группу откуда - то сверху обрушилась лавина красnozвёздных истребителей, их удар оказался эффективным. Десятки машин перед моими глазами завертели в бешеной карусели. Групповой организованный бой распался на множество одиночных схваток. Наши лётчики атаковали на виражах, увертывались от врага, вновь пытались зайти в хвост противнику. Я стрелял по врагу из пулемётов и пушек, сам получал порции металла. Различал вражеские самолёты И-97 от своих по их белизне, неубирающимся шасси и каким - то особенным плавным движениям. В воздухе то и дело вспыхивали самолёты и, дымя, падали вниз, на барханы.

К врагу подоспело подкрепление, ещё несколько десятков истребителей, и бой ужесточился. Тупоносые И-16 крутились, словно волчки, а И-15бис, несколько уступавшие по скорости японским лёгким истребителям, предпочитали драться на крутых виражах. Я врезался в самую гущу боя, бросался врагу вдогонку, прицеливался, стрелял, уклонялся от вражеских атак. Вскоре стало ясно, что противник не выдерживает яростного боя, начинает уходить. Это поняли даже новички. Заметив уходящий японский самолёт, я зашёл ему в хвост, догнал, изготовился к стрельбе, но пушки и пулемёты молчали: кончились боеприпасы.

Приземлившись на аэродроме, я долго не мог понять свершившееся, не вылезал из кабины, находясь всем своим существом ещё там, в раскалённом небе, среди рёва моторов, грохота боя.

- С боевым крещением, товарищ комиссар, - сказал мой боевой друг техник Васильев. И добавил, разглядывая плоскости машины: - Да, порядочно всадили.

- Пробоины ? –

- Они самые!

- Дюжина, товарищ комиссар. Говорят, эта цифра счастливая. Долго воевать будете. А эти пробоины я быстро залатаю, скоро можно в бой, ведь машина цела.

Вспоминая о своём боевом крещении, скажу: "Человек, впервые бухнувшийся в бассейн и ушедший под воду, закрывает глаза. Он ничего не

видит, только ощущает. Так и лётчик в первом воздушном бою. Он чувствует и схватывает лишь то, с чем непосредственно соприкасается, не проникая вглубь, не охватывая общей картины. А вообще - то говоря, восстановить динамику воздушного сражения, в котором участвовало с обеих сторон более 200 истребителей, было бы трудно даже очень опытному боевому командиру".

И всё же многое запомнилось. И как нелепо был сражён один из наших самолётов, лётчик которого, видимо, зазевался, и как другой лётчик на И-16 расчётливым маневром зашёл в хвост японцу и короткой очередью свалил его на землю. Словом, понюхал пороха, глянул смерти в глаза и сделал вывод: думай, учись комиссар.

Битва за господство в монгольском небе шла ожесточённая. Я поднимался в бой по 3, 4, а то и 5 раз за длинный летний день. Много атак провёл, немало пуль и пушечных снарядов вlepил в японские самолёты. Но в одном из боёв и самому пришлось получить порцию горячего металла и раненым на дымящем истребителе скапотировать в монгольской степи. Сказалась усталость: в тот день я полетел уже на 4-ю схватку, силы ослабли, движения были не точны, рефлексy запаздывали. Физическое перенапряжение, а не ошибка или беспечность, оказалось роковой причиной поражения.

Окровавленного, беспмятного, с еле прослушиваемым пульсом меня подобрали в степи монгольские пограничники. Самолётом переправили в Читу, в госпиталь. Врачи поставили диагноз: ранение левой руки, повреждение позвоночника, в трёх местах пробит череп, в затылке сидит металлический осколок. При таких повреждениях, после выздоровления ставится категорическое заключение: к полётам не годен. Узнав о грозящем приговоре, я решил во что бы то ни стало вернуться в строй. Переносил адские боли, но тренировал тело нещадно и добился своего: в конце июля вернулся в родной полк на новом истребителе.

Начало Великой Отечественной войны я встретил на посту командира эскадрильи истребительного авиаполка, размещённого под Ереваном. Однако в этой должности продержался недолго.

Утром 12 июля 42-го я во главе 6 Як-7Б вылетел в район Богородицкого. Погода не баловала. Облачность была почти сплошной, с редкими разрывами. Я вывел шестёрку за верхний ярус облаков почти над линией фронта и сразу увидел группу вражеских самолётов. Идут "Юнкерсы", их

более 30. А где их прикрытие? Ещё несколько взглядов в небесную высь, и "Мессеры" обнаружены. Их около десятка.

- Даю команду «Бьём "Юнкерсы!" и с высоты начинаю пикировать на ведущего.

Вот он, вражеский бомбардировщик, в перекрестье прицела. Но нажимать на гашетку рано, надо подойти ближе. И, когда до врага осталось всего 25 - 30 метров, грянул залп. Короткий, экономный, разящий намертво. Есть один! Вывожу машину из атаки, набираю высоту, по радио приказываю одной паре связать боем "Мессеров", а сам веду четвёрку в новую атаку. Я знал, что они шли бомбить наши наземные войска, значит, главная задача - сорвать их планы. И это нам удалось.

Потеряв ведущего, девятки "Юнкерсов" сломали боевой порядок, а вторая атака разметала их в стороны. Ещё 2 бомбардировщика загорелись и дымящими факелами устремились к земле. Остальные стали беспорядочно сбрасывать бомбовый груз и уходить назад. Главная задача шестёрки "Яков" выполнена, и я повел свою четвёрку на помощь паре, отчаянно дравшейся с "Мессерами". И в схватке с вражескими истребителями снова добился победы, поджёг один из них, ударив по мотору с короткой дистанции пушечным залпом. "Мессеры" вынуждены были покинуть район боя.

Моя эскадрилья вернулась без потерь. Пока техники заправляли машины, заделывали пробоины, провожу короткий разбор. Поблагодарил лётчиков эскадрильи, дал несколько рекомендаций по выполнению атак, осмотрительности.

- Лейтенант Выборнов сбил один "Юнкерс". Молодец, действовал хорошо, но можно лучше.

Я спросил техников самолётов, с каким боезапасом мы вернулись из боя. У некоторых кое - что осталось, а у Выборнова ни единого снаряда, ни единого патрона. А если бы возле аэродрома на нас налетела плюгавенькая пара "Мессеров", чем бы нам отбиваться?

Лётчики понимающе переглянулись, каждый вспомнил, сколько раз и почему он открывал огонь. Для остротки? Видимо, да. Они знали от техников, что я сам, свалив 2 самолёта врага, израсходовал лишь треть боекомплекта. Вот что значит разящий удар с близкой дистанции по наиболее уязвимому месту машины.

Может быть, мой успех в том бою был случаен? Но вот буквально через день эскадрилья вновь встретилась в воздухе с вражескими самолётами. Общее число: 18 против 6 в пользу немцев.

И опять я сумел первым увидеть врага, занял своей шестёркой "Яков" более выгодное положение и обрушился на противника. Вначале нанес удар по "Юнкерсам", сбил один, потом второй, расстроил их боевой порядок и обратил в бегство. После этого вступил в схватку с "Мессерами", уничтожил 1 из них сам, ещё 2 сбили лётчики моей шестёрки. И вновь техники на аэродроме обнаружили, что я израсходовал лишь половину боекомплекта.

Доставалось и мне. 14 июля, во второй половине дня, я был подбит - всего 2 пули немецкого стрелка вывели из строя мотор "Яка" и заклинили сдвижную часть фонаря кабины. Чтобы избавиться от горячего пара, проникшего в кабину, пришлось разбить остекление фонаря выстрелами из пистолета.

В канун годовщины Великого Октября, 6 ноября 43-го года, наши войска освободили Киев и устремились дальше, в глубь правобережья. В тот памятный день я, получив задачу на боевой вылет, собрал накоротке лётчиков, поздравил их с наступающим праздником и закончил речь уточнением предстоящего задания.

- Нам приказано прикрыть наступающие войска в районе Белгородка, Плесецкое, Васильков. Нет сомнения, что фашисты обязательно будут пытаться бомбить их. Сорвать планы врага - наш долг, наша святая обязанность. Итоги этого боевого вылета - наш подарок Родине в честь годовщины Великого Октября. Понимаете, какая ответственность легла на нас ?

Взлетели семёркой. Я повел её вверх, верный своему правилу: кто выше, тот хозяин в воздухе. Была ясная погода. Вдали, на горизонте, где виднелись контуры Киева, висели косматые облака дыма от ещё не угасших пожаров. Впереди угадывались кварталы деревянных домов Василькова.

Не прошло и минуты, как с пункта наведения ему передали приказ:

- "Тридцатый", с юго - запада идет цель. Курс... высота... Атаковать !

Мгновенный взгляд на карту, вправленную в планшет, короткий расчёт времени, курса, места встречи с ожидаемым противником, и я, скорректировав курс, повёл семёрку снова вверх, навстречу осеннему солнцу. Вскоре показались девятки "Юнкерсов", шедшие под прикрытием 16 истребителей. В подобной обстановке я, как всегда, атаковал "Юнкерсы" со

стороны солнца,
и с первой же атаки лётчики моей эскадрильи сбили сразу 3 бомбардировщика. Враг, видимо, не ожидал удара, он не мог видеть "Яки", обрушившиеся со стороны солнца. Ошеломлённые дружной и разящей атакой истребителей с красными носами, немецкие лётчики растерялись и стали бросать бомбы на свои же войска, торопясь выйти из - под удара.

Не сразу оценили обстановку и лётчики "Мессеров", а когда поняли, в чём дело, было уже поздно. Пришлось и им покинуть район боя. Используя замешательство в рядах противника, моя эскадрилья в этой схватке уничтожила 9 вражеских самолётов. Кроме этого, несколько машин со шлейфами дыма ушли за линию фронта, спасаясь от очередной пулемётно - пушечной очереди. Семёрка "Яков" вернулась на свой аэродром без потерь.

Во время этого боя мне удалось сбить 3 "Юнкерса", доведя число своих личных побед до 30.

По примеру командира решительно действовали и другие лётчики - было уничтожено 11 самолётов противника. На свой аэродром я еле добрался - кончилось горючее. Израненную машину посадил благополучно...

Вот так воевали мы, защищая родное небо. Оно ведь такое красивое, когда по нему не летают стаи чужеземных птиц, несущих страх, боль и смерть. Оно ведь такое...